

ПРИЧИНЫ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ «СВИСТКА»

Всякий раз, когда «Свистку» случалось замолчать на долгое время, об нем распространялся в публике один и тот же слух, повторяемый очень многими с сердечным удовольствием, иными с искренним соболезнованием, что «Свисток» умер! Так было и ныне, — даже придумали очень правдоподобную причину его смерти: говорили, что «Свисток» скончался, убитый находчивостью г. Краевского, который отвлек будто бы (именно с этим намерением) все рабочие литературные силы к составлению статей для «Энциклопедического словаря»¹. Как ни остроумно это предположение, наступило время уведомить публику, что оно неверно. «Свисток» жив и для объяснения долгого своего молчания имеет достаточно причин. Мы могли бы и умолчать о них, потому что если, по словам гг. Кокорева и Бенардаки, *«в делах коммерческих должна быть неизбежная часть тайны»*², то почему же не быть ей в делах литературных — особенно если при этом не спрашивается с подписчиков никаких добавочных сумм? Но мы не хотим тайны и объявляем, что главнейшею причиною молчанья «Свистка» были скромность и благодетельность, свойственные его юному возрасту. Он молчал, потому что не хотел говорить о самом себе. Назвавшись собранием литературных и журнальных заметок, он, естественно, должен был касаться литературы и журналистики, а журналистика последнего времени, как известно читателям, только и занималась «Свистком». Уже одного страха, чтоб не показалось кому-нибудь, что «Свисток» нисходит до оправданий против таких личностей и талантов, какие почтили его своим вниманием, — достаточно было бы, чтоб заставить его молчать; но к этому присоединилось обстоятельство более важное и прискорбное — разочарование начинает чувствовать «Свисток»! Так скоро? — спросит читатель. — Увы! так

скоро. Давно ли, полный юных сил, надежды и стремлений, считал он деятельность свою чем-то необходимым и благотворным? давно ли все его занимало, —

Все волновало юный ум?³

На что только не отзывался он своим свистом, то кротким и умиленным, то негодующим? А теперь? Теперь слава его не занимает; полезность деятельности своей считает он сомнительною, важность обличения разных литературных

160

глупостей и низостей отрицает; капитальный труд свой «О вреде людоедства», которым занимался он в часы досуга, надеясь упрочить им свое имя в литературе и благотворно подействовать на убеждения современников, — он бросил на половине! Увы! увy! с ним случилось то же, что случается со всеми юношами нашего поколения...

**В начале жизни гордо мы глядим
В широкий путь, открытый перед нами,
И первыми горячими трудами
Блестящие надежды подадим...**

А потом? Потом следует то, что произошло со мною в сию минуту. Начал я свою мысль стихами (и читатели отдадут справедливость, что они не дурны), но сил у меня не хватает или, вернее, не хватает энергии потрудиться лишние полчаса, и я доканчиваю ее прозой. Нет, я и прозой доканчивать ее не буду, потому что она и так понятна, а если и не понятна кому, то что за беда: кто от этого

проиграет? Никто. А я выиграю — выиграю полчаса времени, которое употреблю хоть на чищение ногтей. Горе, когда человека начинают посещать такие соображения, — не свищется ему. Даже такой факт, как появление статейки г. Беллюстина о вреде грамотности⁴ не задирает его за живое; а уж г. Дзюбин, объясняющий побег рабочих с Волжско–Донской дороги⁵ «привлекательностью высокой платы за уборку хлеба и сена», тогда как г. Смирнов объясняет тот же факт⁶ проделками и притеснениями приказчиков подрядчика, — г. Дзюбин так даже и впечатления малейшего не производит. Что ж ему после того полтавские дворяне⁷; что споры о том, должно ли назначить жалованье предводителям⁸ или не должно? Что ему объявление г-жи Евгении Тур об издании «Русской речи» и «заметка» «Русского вестника» на это объявление, и ответ г-жи Тур, и новая заметка «Русского вестника»?⁹ Господин Ржевский может теперь, отделавши кадастровых чиновников, профессоров и экзаменаторов и указавши способы развития пролетариата, может хлопотать о способах сокращать университетские штаты:¹⁰ г. Краевский может издавать или не издавать «Энциклопедический лексикон»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Греков могут, сколько угодно, перепечатывать в журналах свои старые стихотворения;¹¹ г. Козлянинов может бить или не бить, по своему усмотрению, особ прекрасного пола, подвертывающихся ему под руку;¹² в «Русском вестнике» могут распускаться новые цветы с старым запахом экономической деятельности;¹³ г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не знает ни слова по–литовски;¹⁴ г. Страхов может переносить из «Светоча» в «Русский вестник» свои трансцендентальные теории о веществе¹⁵; новый «Век» с новыми «Основами»¹⁶ может водворяться в русской литературе: «Свисток» даже не пошевелинет, чтобы их приветствовать... Постигнутый разочарованием,

он сделал то, что обыкновенно делают в таких случаях русские смертные: он (и вот третья и последняя причина долгого молчанья «Свистка») отправился за границу¹⁷, конечно, не без надежды набраться новых впечатлений и не без намерения поделиться ими с читателями. Может быть, он от себя будет говорить немного, но зато он вам представит некоторые выдержки из обширной корреспонденции, которую завел он с людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато он даст вам подлинные документы о состоянии умов

161

в Европе, ему только известные и доставшиеся ему из первых рук; наконец он сообщит вам и о том, с каким достоинством держат себя в настоящих трудных обстоятельствах наши любезные соотечественники, путешествующие по Европе. Читайте же и поучайтесь плодами новой деятельности «Свистка»!

162